

вается новый стереотип, когда в определенных сферах труда увольняют мужчин, и за более низкую заработную плату нанимают женщин, поскольку они в полной мере могут заменить мужской труд.

Существуют разные подходы к оценке гендерной системы в контексте общественного развития. В российской науке и практике, можно сказать, до последнего времени (терминология «гендера» появилась лишь в конце 80-х гг.) все сводилось к положению женщины в различных сферах жизнедеятельности. Если же мы хотим перейти на уровень гендерного анализа, то целесообразно рассматривать социальные процессы по крайней мере в трех аспектах:

1. С точки зрения гендерной асимметрии, оценивая положение мужчин и женщин по отношению к различным социальным структурам и в различных социальных структурах;
2. С точки зрения равных возможностей для женщин и мужчин в отдельных сферах жизнедеятельности, что фактически определяет перспективы гендерной асимметрии;
3. С точки зрения того, насколько гендерно нейтральными являются социальные институты (например, получение образования) и процессы их развития (например, формирование гражданского общества), которые складываются независимо от влияния половой принадлежности субъектов [5].

Литература.

1. Социальные аспекты рыночной экономики России // Финансы и общество. Режим доступа: <http://www.finhealthy.ru/fihets-531-1.html>
2. Социальные аспекты рыночной экономики Режим доступа: <http://studopedia.org/1-37810.html>
3. Дементьева И.Ф. Социальная адаптация детей-сирот: проблемы и перспективы в условиях рынка // Социологические исследования, 1992. – №10. – С. 62–70.
4. Светлана С.Р. Гендерная социология. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/text/16703852/>
5. Римашевская Н. М. Гендерные аспекты социально-экономической трансформации в России. Режим доступа: <http://www.owl.ru/library/046t.htm>

ЧЕЛОВЕК ПЛЮС МАШИНА: К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ

Е.В. Яблонский, студент группы 3-17Б30,

научный руководитель: Полещук Л.Г.,

Юргинский технологический институт (филиал) Национального исследовательского

Томского политехнического университета

652055, Кемеровская обл., г. Юрга, ул. Ленинградская, 26

Для философии техники важен анализ архаической культуры. Именно в архаической культуре сложился тот контекст (архаические практики), в котором формировалась древняя техника и технология. В архаической культуре человек открыл и научился использовать в своей деятельности различные природные эффекты, создав тем самым первую технику (орудия труда, оружие, одежда, дом, печь и т.д.). В области технологии основным достижением было освоение двух основных процедур: соединение в одной деятельности разных операций, относящихся до этого к другим деятельности, и схватывание (осознание) самой «логики» деятельности, т.е. уяснение и запоминание типа и последовательности операций, составляющих определенную деятельность.

Как могли понимать люди анимистической культуры свои «технические» действия? Им, например, не могло прийти в голову, что они могут заставить бога без его желания встать или идти. Другое дело – склонить душу бога (жертвоприношением, закланием и т.п.) действовать в нужном для человека направлении. Когда староста объяснял Туру Хейердалу, что статуи "сами встают и идут", он не имел в виду каменные скульптуры, речь шла о богах. Сложные технические действия людей служили одной цели – побудить, заставить души богов встать и идти. Когда архаический человек подмечал эффект какого-нибудь своего действия (удара камня, действия рычага, режущие или колющие эффекты), он объяснял этот эффект тем, что подобное действие благоприятно воздействует на души. В этом смысле все древние технологии были магическими и сакральными, т.е. способными влиять на души тех существ, которые помогают человеку, как в случае с аку-аку, или на опасные души – лечение заболеваний, или души богов, от которых зависела жизнь племени). Говорят, что древние технологии возникли из нужды и наблюдения. Это так, с одной существенной поправкой: нужда понимается анимистически, т.е. как возможность, предоставляемая душами, наблюдение, осмысленное анимистически, т.е. открытие действия, эффективного с точки зрения влияния на души.

Итак, то, что с современной точки зрения выглядит как настоящая древняя технология, для архаического человека – способ побуждения и воздействия на души сакральных существ [1].

Создатели современной «Философии техники» видят другие аспекты взаимодействия человека и машины. Так «Общая и сравнительная география» Каппа предвосхитила то, что мы сегодня могли бы назвать «экологической философией». С одной стороны, в этом труде обнаруживается цель автора проследить (как это было и в трудах Риттера) формирующее влияние географической среды (в частности рек и морей) на социальные и культурные структуры. Реки, внутренние моря и океаны влияют не только на экономику и культуру в целом, но также и на политические и военные формы организации общества. С другой стороны, это капповское применение гегелевской диалектики призывает к «колонизации» географической среды и ее преобразованию, как внутреннему, так и внешнему. История в интерпретации Каппа не является ареной необходимого и неизбежного развертывания Абсолютной идеи, но скорее специфической в каждом случае фиксацией человеческих попыток встречать вызовы окружающей среды, попыток преодолеть зависимость от дикой природы. Это порождает потребность культивирования пространства (с помощью земледелия, горного дела, архитектуры, строительной техники и т.д.) и времени (первоначально посредством систем коммуникации начиная от языка и до телеграфа). Относительно телеграфа Капп писал, что в его наиболее совершенных формах он приведет к созданию «универсальной телеграфии», связывающей языки различных народов мира, знаковые системы, изобретения, что, в свою очередь, приведет к глобальному преобразованию Земли и к превращению ее в достойную человека среду обитания. Это, однако, возможно лишь в том случае, если внешняя «колонизация» природной среды будет сопровождаться и дополняться внутренней «колонизацией» человеческой среды. Как показал Ханс-Мартин Засс, капповская концепция «внутренней колонизации» (innere Kolonisation), развития им в его самом раннем произведении по философии техники, – наиболее оригинальна. Поскольку мир, в котором жил сам Капп, был уже «колонизован» внешне, естественно, что он сосредоточивает свои усилия на доказательстве необходимости «внутренней колонизации» в виде осуществления определенной политики. По мнению Каппа, «возникающее между орудиями и органами человека внутреннее отношение – и мы должны это выявить и подчеркнуть, – хотя и является скорее бессознательным открытием, чем сознательным изобретением, – заключается в том, что в орудии человек систематически воспроизводит себя самого. И, раз контролирующим фактором является человеческий орган, полезность и силу которого необходимо увеличить, то собственная форма орудия должна исходить из формы этого органа. Из сказанного следует, что множество духовных творений тесно связано с функционированием руки, кисти, зубов человека. Изогнутый палец становится прообразом крючка, горсть руки – чашей; в мече, копье, весле, совке, граблях, плуге и лопате нетрудно разглядеть различные позиции и положения руки, кисти, пальцев, приспособление которых к рыбной ловле и охоте, садоводству и использованию полевых орудий достаточно очевидно» [2].

В современную эпоху изучение универсального воздействия технического прогресса на общество, культуру, индивида, мировоззренческий подход ко всему комплексу проблем, которые ставит перед цивилизацией развитие техники, стали неотъемлемой частью философского знания. На решение этих проблем претендуют все сколько-нибудь значительные школы и направления. Философия техники, так или иначе, является обязательным компонентом саморефлексии любого развитого общества, важнейшей частью нашего отношения к миру. В связи с этим встает задача уточнения объема понятия «философия техники».

Может создаться впечатление, что это прежде всего проблемы, относящиеся к области технического знания, инженерной деятельности. В действительности же рефлексия о технике выходит далеко за эти рамки. Ведь мысли о технике таких далеких от профессионального занятия техническими дисциплинами философов XX в. как М. Хайдеггер или Г. Маркузе произвели буквально революцию в умах, оказав огромное воздействие на мировоззрение (в чем сказывается традиционная функция философии) многих современников, в том числе и деятелей науки.

В осмыслении самого феномена техники и последствий глобальной технизации жизни О. Шпенглер далеко опережал современников. В его работе «Человек и техника» обобщены тенденции, многие из которых представляют непосредственную угрозу жизни человечества, Шпенглер едва ли не первый представил планетарный масштаб связанных с техникой проблем. В отличие от распространенных в научной литературе взглядов на современную технику как на нейтральное явление, «добавившееся» к истории главным образом в последние столетия, Шпенглер настаивает на универ-

сальном характере техники, обращается к ее истокам, видя в ней не орудие, не средство, а тактику всего живого. Впервые в истории рассмотрения техники он стремится выявить как антропологические, так и метафизические основания технической деятельности человека, ставит вопросы, впоследствии обретающие огромное значение: что такое техника? Каков ее моральный или метафизический статус? Типичные для его эпохи рассуждения разного рода позитивистов, исповедующих веру в прогресс и полагающих, что техника это лишь средство, которое надлежит «поставить на службу» обществу, Шпенглер расценивает как абсолютное непонимание ее сущности. Здесь Шпенглер отходит от концепции развития, представленной в «Закате Европы», фактически обращаясь к идее единого всемирноисторического процесса. Это вполне объяснимо: задавшись целью определить роль техники в истории, Шпенглер не мог обойти тему единого антропо- и социогенеза. Между тем идея неповторимости культур всегда делала Шпенглера особенно внимательным к их исторической индивидуальности; пристальное всматривание в исторически особенное в культуре Западной Европы ярко сказалось и в работе «Человек и техника». По Шпенглеру, отличительными чертами западноевропейской техники (как и науки, еще со времен готики движимой жадной жаждой знаний с целью господства над природой и людьми) являются: стремление не только использовать природу в ее материалах, сырье, но и поставить себе на службу ее энергию; сказавшаяся уже в мечтах средневековых монахов о *perpetuum mobile* идея автоматизма техники; еще одна характерная черта западной цивилизации - безразличие науки к приложению ее открытий. Тезис о «целесообразности» технического прогресса Шпенглер считает обманом, ибо из подъема техники, утверждает он не без оснований, не следует экономии труда («роскошь машины превосходит все другие виды роскоши...»). Выделяя в развитии техники императив *perpetuum mobile*, имманентной логики вещей (впоследствии - важнейший аргумент технократии), Шпенглер обосновывает тезис о собственных закономерностях развития техники. Современную эпоху Шпенглер расценивает как приближение «времени последних катастроф»: «механизация мира, – подчеркивает он, – вступила в стадию опаснейшего перенапряжения», – так, все органическое становится жертвой экспансии организации, искусственный мир вытесняет и отравляет мир естественный и т.д. Эти положения, высказанные Шпенглером в предельно драматическом тоне, дали повод некоторым современным исследователям видеть в нем пионера сегодняшней глобальной проблематики, ставившего проблемы экологического кризиса и т.п. Однако в то же время Шпенглер глубоко верит в творческий гений европейца, человека «фаустовской культуры»: философ убежден, что еще долгое время будут изыскиваться возможности возобновлять природные ресурсы или замещать их. Западный мир погубит им же развязанная гонка вооружений: военный крах «американо-западноевропейской техники» значительно ближе, чем экологический кризис в его необратимости. В трактовке происхождения техники Шпенглер абсолютизирует биологический - привнося в него, как это часто бывает в философии жизни, мистико-волевой момент; человек – «хищник-изобретатель», техника – тактика всего живого. Вся история человечества – это упоенное насилие «врожденного хищника» над другим, над массой, над природой. И все же Шпенглер отнюдь не довольствуется отсылками к биологии. Многие в его интерпретации техники можно квалифицировать как ценностный подход, а именно утверждение «трансцендентного», духовного характера цели, не содержащей в себе, согласно Шпенглеру, ничего прагматического, «необходимого для жизни», характеристику самой технической деятельности как самозабвенного подвижничества духа и т. п. Наряду с проникновением в творческую природу человека здесь сказались и апологетическое отношение Шпенглера к «сверхчеловеку» эпохи индустриализма, империалистической экспансии, героизация времени упадка («подозрительный цивилизаторский пафос», по меткому выражению Н. Бердяева, приходит вразрез с горьким скепсисом историка культуры), романтическая перелицовка им же развенчанной абсурдности капиталистического перепроизводства [3].

Литература.

6. Березкин А.А. Философия техники как учебный предмет // Режим доступа: <http://berezkin.info/.../uploads/2011/03/FilTeh.doc>;
http://nova.rambler.ru/search?scroll=1&utm_source=nhp&query=%D0%A4%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BE%D1%84%D0%B8%D1%8F%20%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8
7. Митчем А. Философия техники // Режим доступа: http://siblio.com/BIBLIO/archive/mitcem_filo/
8. Рикёр П. Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000197/st069.shtml>